



РЕВНОСТЬ

Я не хочу рассказывать о том, что предшествовало знакомству с моей будущей женой. Скажу лишь то, что я с адресом и номером телефона в руках вылетел с Камчатки, перелетел полэкватора через два материка. Позвонил в Ереване по телефону. Встретились в сквере, где через годы возведут памятник Мартиросу Сарьяну.

И я тогда подумал: «Пришел, увидел, победил». А что? Вот уже более двух тысяч лет прошло, а от цезаревского восклицания отдает свежестью, как после грозы. Но если бы я произнес эту фразу, то явно согрешил бы перед Богом. Ибо, когда после очередной встречи я предложил моей избраннице поехать со мной на край света и стать хозяйкой «огромного полуострова», она, презрев романтику, предложила мне поехать в Степанакерт, встретиться с ее родителями и родственниками и, как положено, согласно нашим традициям, попросить ее руки. Мне нравилось, как она себя при этом вела. Говорила тоном спокойным, тихим. Я сделал все, как она велела.

Повстречался, конечно, заодно с многочисленными моими друзьями. Рассказал им о своем намерении. Каждый считал своим долгом непременно подчеркнуть, что, мол, давно пора. Не преминул я сказать им, что невеста моя, как мне удалось заметить, тихого нрава. А это именно то, о чем я мечтал. Кто-то из друзей выразил сомнение по части «тихого нрава», отметив, что мать ее — женщина боевая, как сасунский гайдук. А яблоко, как известно, от яблони далеко не падает. Я остался при своем мнении, сказав, что редко ошибаюсь в людях. Тихая — и всё тут.

Скажу и о том, что я готовился принять молодую жену на краю света довольно капитально. Сделал в моей однокомнатной квартире именно капитальный ремонт. Построил новый камин, купил с десяток разных зеркал, обновил медвежьи и оленьи шкуры. Взял в камчатском облздраве приглашение на имя выпускницы Ереванского медицинского института с моей

фамилией, и с чемоданом, набитым соленой чавычей, с закатанной в баночке красной икрой полетел в Степанакерт.

Через две недели я уже возвращался к себе домой, туда, где зажигается солнце. Возвращался с законной женой. Это было уже на девятом году моего пребывания на Камчатке и ничего удивительного не было в том, что чуть ли не все пассажиры знали меня. Весть о моей женитьбе довольно быстро стала достоянием пассажиров. И как только самолет набрал высоту, то и дело стали они подходить к нам, чтобы поздравить. Кто дарил авторучку, кто зажигалку, кто часы, кто откупоривал бутылку вина.

Я не мог не обратить внимание, что жена моя понравилась моим землякам-камчадалам не только своей карабахской красотой, но и скромностью и каким-то тихим нравом.

В то время летели из Москвы в Петропавловск-Камчатский на ИЛ-18 с посадками в Новосибирске, Красноярске, Иркутске, Хабаровске, иногда маршрут проходил через Якутск и Магадан. Сразу после того как зажглись на табло «Не курить» и «Пристегнуть ремни», жена моя сникла и положила голову на мое плечо. Она страдала морской болезнью. Кто-то из пассажиров пригласил стюардессу к нам. Подошла стройная, одетая в синюю униформу блондинка. Справилась о том, чем могла бы быть полезной. Предложила воду, даже — чай. Жена, не поднимая головы, крепче прижалась ко мне, всем своим существом давая понять, что ничего она не хочет.

После Новосибирска неожиданно началась болтанка. Такое бывает на долгой трассе часто. На каком-то участке маршрута встречаются воздушные ямы, или дует сильный ветер. Жене стало совсем худо. Бледная как полотно, она то и дело глубоко вздыхала, как рыба, выброшенная на берег. Я взял ее руки в свои. Холодные. Словно в них нет жизни, пальцы, как веревки. Вновь пригласили стюардессу. Она предложила таблетку, предупреждающую тошноту. Я сказал, что теперь уже поздно. Оставалось одно: терпеть. Я начал массировать ее виски, влажные от испарины. Стюардесса сказала, что принесет сердечные капли, а также аэрон, ибо лететь еще очень долго. Я поблагодарил ее, и она ушла к себе.

То, что произошло в следующее мгновение, невозможно передать. Однако можно попытаться. Существо с мертвенно-белым, как снег, лицом, с бездыханным телом, вялыми, как веревки, пальцами, неожиданно своим невероятно острым, как стрела, и твердым, как камень, локтем так сильно ударила

меня в бок, что я вмиг остолбенел, а еще точнее — ооченел. Я сидел, как лом проглотивший, смотрел стеклянными глазами впереди себя в пустоту. Ничего не видел, ничего не слышал. Дело в том, что у меня, казалось, остановилось дыхание. Со мной дважды такое случалось, когда я был еще пацаном. Первый раз ишак припечатал копытом по моей груди, во второй — упал с тутового дерева плашмя на спину. Оба раза я долго лежал без движения и молча смотрел в небо.

Теперь вот на высоте одиннадцати тысяч метров я вполне серьезно думал о том, что уже умер. Я не дышал, подобно тому, как не дышит труп. Но в то же время был живой, потому что очень даже хорошо знал, что мы пролетаем уже над Барнаулом в сторону Иркутска. Сидел, как буддийская статуя, с той лишь разницей, что к плечу будды прислонилась головой красивая карабахская женщина тихого нрава. Очень тихого.

Пол-Сибири пролетел я без дыхания. Лишь перед Иркутском появились первые признаки экскурсии грудной клетки. И тут я ощутил острую боль в боку. Разом выпустив застоявшийся в груди воздух, я, едва шевеля губами, тихо спросил, обращаясь к голове, лежащей на моем плече: «Ты что, с ума сошла?» Но голова молчала. Самолет, дергаясь, шел на снижение. Ей было невольно. Теперь уже она не дышала. Но вдруг как ни в чем не бывало она бодро прошептала: «Ты не так посмотрел на эту блондинку». Хотела еще что-то сказать, но очередная воздушная яма заставила ее свернуться в комок и еще крепче прижаться ко мне.

После Иркутска, на каком-то участке трассы, минут пять поболтало из стороны в сторону наш самолет. Немного погодя к нам подошла стройная стюардесса, и у меня рефлекторно закололо в груди. Она вновь справилась, улыбаясь, не нужно ли чего? Я вновь поблагодарил ее, глядя в иллюминатор и стараясь не выдать нахлынувшего на меня состояния замешательства. Тихого нрава жена не подавала никаких признаков жизни. Но когда ушла блондинка, тихо сказала: «Ты поступил нетактично. Она с тобой говорит, а ты смотришь, в окно». Мне оставалось поправить ее и сказать: «Не окно, а иллюминатор». Но ей было уже все равно, как называется круглое стекло, через которое на протяжении шестнадцати часов лета можно было обозревать бескрайние российские просторы.

После Хабаровска мне казалось, что потеряю жену. Пожелтели впалые щеки, повисла челюсть. От былой красоты не осталось и следа. Чтобы успокоить ее, я сказал, что летим над

Охотским морем и что осталось всего лишь пара часов лета. Она, не отрывая головы от плеча, произнесла слова, которые никак нельзя было связать ни с темой начавшегося разговора, ни вообще с состоянием души и тела. Она сказала: «И зачем я взяла с собой новый купальник». Однако удивление мое длилось недолго. Ибо в очередной раз самолет упал в глубокую воздушную яму. А это значит — очередная воздушная яма вывернула наружу даже мою привыкшую к катаклизмам душу.

Правда, я был спокоен, ибо знал, что над морем такое встречается довольно часто. Жена пришла в себя уже дома и лишь на другой день.

Я рубил дрова у камина «Карабах». Она разбирала свои вещи, перекладывая из чемодана в шкаф. Поднимая руку с охотничьим топором, я всякий раз чувствовал в боку боль. И невольно вспоминал бедную стюардессу. Я хотел было вернуться к теме о бедной стюардессе, но жена, словно уловив мое намерение, опередила меня и, теребя в руках цветастый купальный костюм, повторила фразу, произнесенную над Охотским морем: «И зачем я взяла с собой новый купальник?»

Конечно, я много читал о логике или, вернее, отсутствии логики у женщин, об их странностях. Так что можно было промолчать. Но я все-таки спросил: «А при чем тут купальник? Тысячу вещей взяла ты с собой и вдруг — купальник. Пусть лежит, вдруг понадобится». Она весело захохотала, давая понять, мол, то ли еще будет, не жди никакой такой логики от меня. И дабы убедить меня, что так оно и есть, вполне серьезно сказала: «Я хочу туту и ежевику».

У меня из рук упал топор на березовые чурки. Так что пол не пострадал. Я уже стал побаиваться молодой хозяйки моего дома. Это же надо! На Камчатке, где не бывает змей и лягушек, где воробьи не летают и молнии не сверкают в небе, где снег лежит девять месяцев, где даже летом в Авачинской бухте температура воды не превышает плюс пяти градусов, где с поразительной цикличностью бьют из-под земли гейзерные фонтаны и с фатальной неожиданностью извергаются вулканы, вдруг карабахская женщина в конце ноября, когда на улице пурга, намекает на то, что хотелось бы ей искупаться где-нибудь в новом купальнике и что вдобавок ей хочется поесть тутовых ягод и ежевики.

Я сел в кресло у камина и начал философствовать. Тут одно из двух. Или она сумасшедшая, значит надо мне приноровиться и примириться. Не отправишь же ее обратно в Карабах. Да и

после такого перелета ей минимум год нужен, чтобы прийти в себя. И второе: или она является типичным носителем типичной женской логики со всякими там неожиданностями. Значит, опять же надо приноровиться. Другого не дано.

На следующий день я позвонил моему другу, начальнику Камчатрыбпрома, и попросил дать радиogramму кому-нибудь из капитанов больших рыболовецких траулеров, который заходит в южные порты, и попросить привезти в холодильнике тутовых ягод и ежевики. Друг мой сказал, что раньше тридцать первого декабря в Петропавловск-Камчатский не прибует ни одно судно. Что же касается тутовых ягод, то никакой проблемы тут нет. Сам он, начальник Камчатрыбпрома, ел их и на Гаваях и в Сингапуре.

Накануне Нового года мы договорились с ответсекретарем «Камчатской правды», что отмечать праздник будем у него дома. Очередной циклон принес на полуостров снегопад. Синоптики через каждый час по радио передавали «штормовое предупреждение», хотя и говорили о том, что штормовая погода долго не задержится у нас.

До Нового года осталось всего два часа, а жена все еще стояла перед зеркалом. Причем переходила от одного зеркала к другому, объясняя это тем, что разное освещение позволяет очень профессионально решать проблемы макияжа. Мы опаздывали. Я сердился уже не на шутку. Правда, всего-то перейти улицу, и мы окажемся у друга, но я думал, во-первых, о том, что надо успеть распрощаться со старым годом, во-вторых, пурга есть пурга.

Наконец, за полчаса до Нового года, жена торжественно сказала, что она готова. Одетая в черную цигейковую шубу, она все еще продолжала вертеться перед зеркалами. Посмотрев на нее, я подумал, что стоило, наверное, тратить столько времени ради такого вот итога. Прямо как сошла с портрета Крамского сама Неизвестная. Мы выскочили на улицу и попали в ад. С четырех сторон дул ветер. Куда ни повернешь, согнувшись в три погибели, ветер с сыпучим, колющим снегом бьет в лицо. Бог мой, что тут было. Жена кричала, да так громко, что я уже не слышал воя пурги. Не прошли и десяти шагов, как она, все еще продолжая кричать, норовила повернуть назад. Но так как она уже потеряла ориентир и не знала, где «назад», где «вперед», то я ее тащил прямо, в дом, где нас ждали.

С шумом и хохотом встретили нас наши друзья. А жена первым долгом бросилась к зеркалу. Ужаснулась. Ничего не оста-

лось от накрученных локонов, черная краска с ресниц ручьями текла по раскрасневшемуся от ветра лицу. Времени уже не осталось на малярную работу. Махровым полотенцем женщины промокнули ей лицо. Она вытерла глаза и стала еще больше похожа на героиню Крамского. Новый год встретили тютелка в тютелку. Нам было хорошо в ту ночь.

В три утра легли спать. В четыре я разбудил жену и приказал, чтобы она срочно оделась. За окном уже не слышно было никакой пурги. Значит, циклон лишь хвостом задел нас, пройдя полуостров стороной. Жена одевалась, и я был рад тому, что она даже не спрашивает, куда, мол, это мы собираемся среди ночи. На морозной улице стоял газик с брезентовым верхом. От машины поднимался густой дым, который был хорошо виден на фоне белого снега под звездным небом. За рулем сидел мой друг, рядом с ним — его жена.

Только в машине жена моя спросила: «Куда мы едем?» Я сказал, что в городе зайдём минут на пять к другу, поздравить его с Новым годом, а затем поедём в сторону Авачинского вулкана.

Поздравили мы моего друга, начальника Камчатрыбпрома. Выпили по рюмке. Я, уловив момент, оставил ему ключ от нашей квартиры и сказал, чтобы он часам к десяти утра положил его под коврик. И мы поехали к подножию Авачинского вулкана.

Проехали в аэропорт. Доехали до поселка Елизово. И повернули налево в сторону крохотного поселка Паратунка, где впервые в СССР построили геотермальную станцию. Это электростанция, работающая на энергии тепла подземных вод. Там есть уникальный в мире плавательный бассейн, о нем я писал статью, в заглавии которой не было ни одной буквы. Назвал я ее «+ — 37». Это значит плюс тридцать семь в воде, минус тридцать семь в воздухе. Вода, конечно, гейзерная.

Когда мы вошли в помещение, напоминающее предбанник, жена, терзаясь от неведения, тихо спросила: «Куда же это мы приехали в такой лютый мороз? Здесь ни души, время полвосьмого утра, это значит, в Карабахе через полчаса Новый год». Я ничего не ответил. Отдал ей сверток, в котором был ее купальник. Жены наши вошли в женскую раздевалку. Мы — в мужскую. Я был спокоен, ибо знал, что жена друга не проболтается, не скажет, куда и зачем мы приехали. Женщины, одетые в купальники, вышли из раздевалки.

Я резко открыл наружную дверь, жена моя вскрикнула. Морозный воздух и пар ударили в лицо. Я взял ее за руку и, хохоча над тем, как она кричит, потащил к краю гейзерного бассейна.

Уже рассветало. Я видел испуг в глазах жены. Раннее утро. Мороз около сорока. Голое тело. Я знал, что ее инстинктивно потянет к воде, как тонущего — к спасательному кругу. И мы прыгнули в воду. Наверное, нечто подобное «переживает» сталь, когда ее, раскаленную добела, суют в холодную воду. Только здесь было наоборот. Я знал и то, что жена уже не захочет выйти из сорокоградусной воды. Одно только было плохо: голова мерзла на открытом воздухе, и время от времени приходилось нырять. В воду вошла и жена друга. А затем и сам друг, неся в высоко поднятых руках бутылку шампанского и четыре стакана.

Без двух минут восемь прозвучал залп из шампанского. Стоя по грудь в горячей воде, разлили шампанское в граненые стаканы. И вместе с Карабахом и всей Арменией отметили Новый год на краю земли.

Часа через три мы уже были у подъезда нашего дома. Жена еле стояла на ногах. И я ничуть не удивился, чувствуя, как сам устал. Какая-то счастливая усталость. Перед дверью я наклонился, будто для того, чтобы стряхнуть с обуви снег, незаметно вытащил из-под коврика ключ, и мы вошли в дом.

Я пропустил жену вперед, а сам зажег полдюжины свеч канделябра. Она вошла из короткого и узкого коридора в просторную комнату, медленно подошла к столу и встала как вкопанная. Я стоял позади, ожидая ее реакции. На столе красовалась пышная елка с яркими игрушками, под ней — бутылка шампанского, два бокала и две глубокие тарелки. В одной наполненные солнцем белые тутовые ягоды, в другой — черная, как смоль, ежевика. Жена медленно повернулась ко мне. Она молча смотрела на меня, тщетно пытаюсь скрыть слезы, которые катились по щекам. Огромные темные глаза отражали множество точек света от канделябра. Темные глаза, как звездное небо Карабаха.

Она бросилась ко мне в цигейковой шубе, обняла меня. Плакала, положила голову на мое плечо и, всхлипывая, прошептала: «И все-таки ты не так посмотрел на ту блондинку».